

РЫЖАЯ ШПИОНКА
18+ ХАТШЕПСУТ

ТОМ II
“КАМЕНЬ И ВЕЧНОСТЬ”
ОЛЕГ. ГОЛИКОВ

Олег Голиков
Рыжая шпионка Хатшепсут.
Том II. Камень и вечность

<https://litres.ru/74428399>

ISBN 9785007106511

Аннотация

XV век до нашей эры. Древний Египет. Страной правит великая царица-фараон Хатшепсут. Талантливая девочка Тия участвует в строительстве храма Джесер-Джесеру и помогает раскрыть заговор против него. Кроме того, она узнает о том, что её мать жива.

Содержание

Вавилонская роза	6
Камень и вечность	17
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Возвращение тени	17
ГЛАВА ВТОРАЯ. Змеиный след	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Ночная охота	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том II. Камень и вечность

**Олег Владимирович
Голиков**

© Олег Владимирович Голиков, 2026

ISBN 978-5-0071-0651-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-9529-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**РЫЖАЯ ШПИОНКА ХАТШЕПСУТ
(ЦАРИЦЫ-ФАРАОНА)**

ТОМ ВТОРОЙ

КАМЕНЬ И ВЕЧНОСТЬ

ПРОЛОГ

Вавилонская роза

Вавилон, 18-й год правления Тутмоса I в Египте

За 16 лет до рождения Тиш

Он никогда не думал, что пустыня может быть такой раз-
ной.

В Египте она была родной — золотистая, тёплая, дыша-
щая покоем. Здесь, на пути к Вавилону, она оказалась чу-
жой: серая, колючая, с ветром, который нёс не привычный
запах Нила, а горькую пыль чужих земель. Караван шёл уже
сорок дней. Позади остались Синай, пустыня Негев, земли
филистимлян, бесконечные переправы через мутные реки.
Впереди, по слухам, лежал великий город — сердце мира,
средоточие всей мудрости и всей гордыни человеческой.

Он был мастером. Лучшим резчиком по дереву и камню
в Фивах, учеником самого Себама-старшего. Его руки чув-
ствовали материал так, как другие чувствуют дыхание ветра.
Это было путешествие в Вавилон не за славой и не за золо-
том. По указу и от имени фараона его отправили для изуче-
ния секретов архитектуры и строительства. Он должен был
научиться тому, чего ещё не умели в Египте, привезти чер-
тежи и образцы. Но была и другая цель, личная, о которой он
не говорил никому: он хотел увидеть великие храмы Месо-
потамии, прикоснуться к другой красоте, понять, как видят
мир другие мастера.

Вавилон — огромный, немислимый, с башнями, уходящими в небо и стенами, опоясывающими горизонт. Весь город обнесён тремя кольцами надёжных и мощных укреплений. Когда караван входил в ворота Иштар, облицованные синим глазурованным кирпичом с золотыми львами и драконами, мастер почувствовал, как сердце замерло. Такой красоты он не видел никогда.

В городе его вместе с другими путешественниками поселили в доме для чужеземных купцов — недалеко от храмового комплекса Эсагилы, где за окном высился зиккурат Этеменанки, та самая Вавилонская башня, о которой слагали легенды. По ночам он слышал странные ритмичные песнопения, доносившиеся из храмов, а днём бродил по городу, изучая архитектуру, делая тайные зарисовки, впитывая чужую культуру.

Через месяц его пригласили на праздник Акиту — новогоднее торжество, которое длилось двенадцать дней. Это была величайшая мистерия Вавилона, когда сам бог Мардук покидал свой храм, чтобы вершить судьбы мира на следующий год. Иностранцев допускали только на внешние церемонии, но мастеру, благодаря его статусу посланника фараона, позволили присутствовать в самом сердце праздника — в храме Милитты.

Он не знал тогда, что это изменит его жизнь навсегда.

Храм Милитты поражал воображение. Это был не один дом, а целый комплекс, окружённый садами, бассейнами и террасами. Жрицы в белых одеждах двигались между колонн, как видения. Воздух был пропитан запахом мирры, ладана и ещё чего-то сладкого, дурманящего — что-то невероятно ароматное здесь использовали в ритуалах.

Мастера провели во внутренний двор, где толпились чужеземцы со всего света: финикийские купцы, греческие мореходы, персидские вельможи, эфиопские князья. Все ждали главного события — выбора той, кто будет представлять богиню в эту священную ночь.

И она вышла.

Мастер никогда не видел такой красоты. Высокая, тонкая,

с кожей цвета слоновой кости и волосами... её волосы были огненными. Не рыжими, как медь, а именно огненными — густая копна пламени, ниспадающая до пояса, перевитая золотыми нитями и лазуритовыми бусинами. На ней было платье из тончайшего льна, почти прозрачное, расшитое золотыми звёздами, а на голове — высокая тиара с полумесяцем.

Это была верховная жрица Милитты загадочная Шамхат. Та, через которую богиня говорила с людьми. Та, чьё тело было священным и неприкосновенным.

Она медленно обходила собравшихся чужеземцев, вглядываясь в лица. Её глаза — огромные, чёрные, с поволокой — скользили по толпе, и каждый, на ком они останавливались, замирал, чувствуя, будто сама богиня заглянула ему в душу.

Она остановилась напротив мастера.

— Ты, — сказала она на ломаном египетском, но достаточно понятном. — Как тебя зовут, чужеземец?

Он не мог вымолвить ни слова. Только смотрел в эти глаза и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Я... мастер, — выдавил он наконец. — Из Фив. Из Египта.

Она улыбнулась — едва заметно, одними уголками губ, и в этой улыбке было столько тепла, что мастер понял: он пропал. Навсегда.

— Этой ночью богиня выбрала тебя, — сказала она. — Следуй за мной.

Он не помнил, как оказался во внутреннем святилище. Помещение было небольшим, с низким потолком, украшенным звёздами. В центре стояло ложе, застеленное бельём из тончайшей материи, какой он никогда не видел. Горели масляные лампы, распространяя сладкий, одурманивающий аромат.

Она сняла тиару, распустила волосы, и они упали огненным водопадом. Подошла к нему, коснулась рукой его щеки.

— Не бойся, — прошептала она. — Это не грех. Это священный долг. Сегодня я — богиня, а ты — бог. Мы создаём жизнь. Мы продолжаем мир.

— Я... я не знаю ритуалов, — прошептал он.

— Не надо ритуалов. Просто будь со мной. Сейчас я не жрица. Я просто женщина. Просто Шамхат. А ты просто мужчина. Всё остальное только для богов.

И он поверил.

Ночь была долгой. Они говорили, смеялись, любили друг друга так, как будто знали всю жизнь. Она рассказывала ему о Вавилоне, о своём детстве, о том, что с самого рождения она живет в храме, как опытные жрицы учили её священным танцам и тайным наукам, как она стала верховной жрицей, потому что у неё был дар видеть будущее в снах.

— Я видела тебя, — призналась она под утро, лёжа на его

плече. — За месяц до праздника. Мне приснился чужеземец с глазами цвета далёкой реки и руками, которые умеют творить красоту. Я знала, что ты придёшь.

— Ты поэтому выбрала меня?

— Я поэтому ждала тебя.

Они не могли расстаться. После ритуала она должна была вернуться в свои покои и больше никогда не видеть его. Но она не вернулась. Вместо этого она пришла к нему во временный дом на следующую ночь, и через ночь, и через две.

Их тайная любовь длилась много дней. Время, которое показалось им вечностью. Они встречались в уютном маленьком домике у водоема, в тени финиковых пальм. Он показывал ей свои эскизы, она учила его вавилонским письменам. Он рассказывал о Египте, о Ниле, о храмах, которые строит его народ. Она говорила о звёздах, о судьбе, о том, что некоторые души рождаются не в одной жизни, а в двух сразу.

— Я никогда не смогу уехать с тобой, — сказала она однажды. — Если меня поймают, то сразу казнят. А если не казнят, то запрут в храме до конца дней. Я принадлежу богине.

— А мне? — спросил он. — Ты не принадлежишь мне?

Она долго молчала, глядя на реку.

— Принадлежу, — наконец сказала она. — Но это ничего не меняет.

В она, и он оба не знали, что через неделю всё изменится.

Вавилон облетела горькая весть: старый верховный жрец Мардука умер. В храмах начались непрерывные поминальные службы с приношением жертв. Предстояло назначение нового верховного жреца. Слишком долгим было ожидание у одних групп влияния, и слишком быстро сориентировались другие претенденты. Наступило тревожное время борьбы за власть. В этой борьбе жрица Милитты, яркая независимая и очень популярная в народе, стала помехой. Объединившись, враждующие группы на совместном собрании решили её убрать с пути. Выбор был невелик: убить или выдать замуж за одного из претендентов или вообще за первого встречного, что для неё было равносильно смерти.

— Они хотят лишить меня возможности быть жрицей. Хотят выдать замуж за лубуттума (военачальника), Рим-Сина из Ура, — сказала она мастеру, вбежав в домик запыхавшаяся, с горящими глазами. — Чтобы я родила ему детей и забыла о храме. Я не хочу! Я лучше умру!

— Не умирай, — сказал он. — Бежим со мной. В Египет. Там никто тебя не найдёт.

Она смотрела на него долго, изучающе.

— Ты понимаешь, на что идёшь? Если нас поймают, тебя убьют первого без всяких разговоров. Меня — тоже. Но заставят помучиться. А если доберёмся, я буду чужой в твоей стране. Я не знаю языка, не знаю обычаев, я ничего не умею делать руками. Я только жрица.

— Ты умеешь любить, — сказал он. — Этого достаточно. И она решилась.

Побег был отчаянным. Они выбрались из Вавилона в повозке, гружёной товарами, которую вёл купец, сочувствовавший влюблённым. Три дня скакали без остановок, боясь погони. На четвёртый день увидели всадников на горизонте — храмовая стража. Они прятались в неглубоком овраге, зарывшись в песок, и молились о помощи всем богам, которых знали. Всадники проехали мимо.

Пустыня была жестокой. Жара, жажда, страхи. Она теряла сознание, бредила, звала каких-то древних богов. Он нёс её на руках, когда она не могла идти. По ночам она просыпалась с криками, но он прижимал её к себе, шептал что-то ласковое, и она засыпала.

Через два месяца они добрались до Египта.

Здесь, в Египте, она стала другой. Сменила имя — назвалась Та-Нефер, «Прекрасная земля». Научилась говорить по-египетски, сначала плохо, с ужасным акцентом, потом всё лучше. Научилась вести хозяйство, носить воду, печь лепёшки. Она больше не была жрицей. Она была просто женой ма-

стера, и это счастье казалось ей величайшим даром богов.

Она родила ему дочь. Рыжую, как она сама, с огромными глазами, в которых светилась та же древняя мудрость. Они называли её Тия.

Три года они были счастливы.

А потом в Фивы пришли жрецы-заклинатели, направленные из Вавилона.

Они явились ночью, когда мастер был в отъезде — заказывал дерево в Гелиополе. Та-Нефер открыла дверь и увидела троих мужчин в тёмных одеждах. По их глазам она поняла всё.

— Верховная жрица должна вернуться, — сказал старший. — Храм прощает её бегство. Но она должна искупить свой грех. Если она вернётся добровольно, её жизнь и жизнь её семьи будут сохранены. Если нет... Будет произведён ритуал Ашипу.

Он не договорил. Но в его руке блеснул кинжал.

Ритуал Ашипу предполагал совершение обряда очищения и снятия порчи с применением самых жёстких методов. Жрецы-заклинатели имели право в буквальном смысле слова выбить из предполагаемого преступника «всю правду».

— Что с моим мужем? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— С ним ничего не случится, если ты пойдёшь с нами. Если нет — мы его дождемся, и он умрёт медленно. А девочку мы заберём в Вавилон. Она станет жрицей, как ты. Мы за ней наблюдали и поняли, что у ей передался твой дар. Мы это не только чувствуем, мы знаем.

Та-Нефер посмотрела на спящую дочь. Маленькую, беззащитную, с рыжими волосиками, разметавшимися по подушке.

Выбор был ужасен. Остаться — погубить мужа и обречь дочь на участь, от которой она сама бежала. Уйти — спасти их, но потерять себя.

Она выбрала уйти.

— Я пойду с вами, — сказала она. — Но поклянитесь мне здесь и сейчас, что не тронете их ни сейчас, ни когда-либо позже. Никогда.

— Клянёмся богами Вавилона, — ответил старший.

Она поцеловала дочь в лоб, прошептала что-то на своём языке, оставила на столике статуэтку маленького лазуритового скарабея — свой талисман — и ушла в ночь.

Мастер вернулся через два дня и нашёл только скарабея и папирус, с нарисованными дрожащей рукой письменами: «Прости. Ухожу. Во имя спасения. Я люблю тебя. Я люблю её. Навсегда. Шамхат».

Он не поехал за ней. Он знал, что это безнадёжно. Вавилон далеко, а у него — маленькая дочь, которую нужно растить.

Соседям он сказал, что жена умерла от лихорадки. Похоронил в одиночестве длинный мешок с травой. И поклялся себе, что Тия никогда не узнает правды, пока не станет достаточно сильной, чтобы эту правду вынести.

Прошло шестнадцать лет.

В Вавилоне, в храме Милитты, верховная жрица с огненными волосами каждую ночь смотрела на звёзды и думала о дочери, оставленной за тридевять земель. Она знала, что девочка жива — её дар позволял ей чувствовать это. Она знала, что та выросла красивой и сильной. Она знала, что однажды они встретятся.

Но когда — не знал никто, кроме богов.

Камень и вечность

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Возвращение тени

Прошел год с тех пор, как Тия покинула дворец и ушла с Сенмутом на строительство храма Джесер-Джесеру (Священнейший из Священных). Год тишины, камня и медленного возвращения к себе. Она не была больше ни тенью царицы, ни шпионкой, ни убийцей. Она была просто Тией,

помощницей главного строителя храма, девушкой, которая умела вырезать любым резцом и по дереву, и по известняку, и по камню, но чьи руки до сих пор помнили хватку рукояти боевого ножа. Иногда по утрам, глядя на свои ладони, испачканные каменной пылью, она ловила себя на мысли, что та, другая Тия, что метала ножи в темноте и выживала в нубийском плену, была кем-то чужим, далёким, почти легендарным.

Храм рос на западном берегу Нила, врезанный в отвесные скалы. Тысячи рабов, сотни мастеров, горы камня и известки — и над всем этим неусыпный глаз Сенмута, гениального архитектора, вложившего в этот проект всю свою душу. Он появлялся на стройке с первыми лучами солнца и исчезал в своей палатке далеко за полночь, разбирая чертежи и расчеты при свете масляных ламп. Тия часто приносила ему еду, которую сама готовила в своей маленькой палатке, и они сидели вдвоём, глядя, как луна поднимается над скалами, и говорили обо всём на свете: о пропорциях, о красках, о вечности, которую можно высечь из камня, если очень постараться.

Хатшепсут, как бы она ни была занята, приезжала сюда довольно часто. Не с пышными процессиями, не в золотых паланкинах, а тихо, почти незаметно, в сопровождении нескольких стражников и служанок. Она любила сидеть в тени недостроенных колонн, смотреть, как рабы двигают огромные каменные блоки, как мастера выводят иерогли-

фы на стенах, как растёт из скалы её храм, её бессмертие. Довольно часто она отпускала служанок с опахалами, звала Тию, и они гуляли по стройке, и царица расспрашивала её о жизни, о работе, о том, не хочет ли она вернуться во дворец.

Тия каждый раз отвечала одинаково: здесь её место. И здесь она как будто физически ощущает будущее через века и тысячелетия. Здесь она нашла покой.

Но, как оказалось, покой был иллюзией.

Всё началось с мелких, почти незаметных тревог. Сначала Тия поймала себя на мысли, что ей неуютно и тревожно. Хотя казалось, с чего бы это? Потом она заметила, что некоторые рабочие слишком часто отлучаются в город, возвращаясь с новыми амулетами и странными нашивками на одежде. Потом один из мастеров, старый резчик по имени Хнумхотеп, с которым она подружилась, рассказал ей, что в Фивах распространяются странные слухи.

— Говорят, царица задумала не просто храм, — шептал он, помешивая краску в глиняном горшке. — Говорят, она хочет сравняться с богами. А это, сама знаешь, не всем нравится.

— Кому не нравится? — спросила Тия, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Жрецам, кому же ещё. Им не по душе, что царица стро-

ит храм в свою честь. Говорят, Амон разгневается, если женщина посмеет встать рядом с ним.

Тия промолчала, но внутри неё шевельнулся знакомый холодок. Тот самый, который всегда предшествовал опасности. Хатшепсут строила храм как раз во имя Амона.

Через несколько дней на стройке случилось первое происшествие. Ночью обрушились строительные леса у западной стены. Чудом никто не погиб — рабочие ушли спать за час до этого, и только двое сторожей получили лёгкие ушибы. Сенмут с помощниками тщательно осмотрели место обрушения, и все пришли к выводу, что верёвки были перерезаны.

— Кто-то хочет нас остановить, — сказал он Тии, когда они остались вдвоём в его палатке. — Это не случайность.

— Я могу отгадать с первого раза — жрецы. Особенно те, кто служит Сету и змею Апопу.

— Возможно. Или те, кто за ними стоит. Ты же знаешь, как в Фивах относятся к женщине на троне. Многие готовы терпеть, пока она правит из дворца. Но храм, который прославит её в вечности... это уже слишком.

Тия смотрела на чертежи, разложенные на столе. Линии были тонкими, точными, прекрасными. Каждая колонна, каждый рельеф были продуманы до мелочей. Сенмут вложил в этот проект всего себя. Он жил им.

— Ты уже наверняка подумал, что будем делать? — спросила она.

— Во-первых, усилим охрану. Я уже говорил с Хори, он

пришлёт ещё людей. Но этого мало. Нам нужны глаза и уши среди рабочих. Особенно те, кто сможет заметить подозрительное раньше, чем случится беда.

Он посмотрел на неё в упор.

— Ты знаешь, о ком я говорю.

Тия отвела взгляд.

— Это твоё «во-вторых»? Я не хочу возвращаться к этому, Сенмут. Я ушла, чтобы забыть.

— Я понимаю. Но если храм разрушат, если Повелительницу свергнут, твой покой рухнет вместе с камнями. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо.

Она знала. И от этого знания было горько.

В ту ночь Тия долго не могла уснуть. Она сидела на пороге своего домика, глядя на звёзды, и вспоминала. Нубийскую пыль, глину Шерухана, зловонные доки Мемфиса, темницу в доме Ахтоя, запах крови на своих руках. Всё это, казалось, осталось в прошлом. Но прошлое, как оказалось, не отпускает так просто.

Утром она пришла к Сенмуту и сказала:

— Я сделаю это. Но только пока храм не достроят. Потом я уйду.

Он кивнул, и его лицо выражало благодарность и горечь одновременно.

Работа началась с наблюдения. Тия целыми днями бродила по стройке, приглядываясь к рабочим, запоминая лица, отмечая тех, кто вёл себя странно. Их оказалось немного — трое или четверо, но они были.

Первого звали Пабеса. Он был родом из Дельты, работал на переноске камней в корзине и отличался тем, что слишком часто исчезал во время перерывов. Тия проследила за ним и увидела, как он встречается с каким-то человеком в тени скал, получает от него маленький свёрток и прячет под одежду.

Второго звали Хопей. Он был младшим мастером, отвечал за приготовление растворов. Тия заметила, что в его ведре раствор иногда странно пахнет — резко, кисло, не так, как обычно. Она взяла пробу и отнесла Сенмуту. Тот, понюхав, помрачнел.

— Это уксус. Если добавить эту кислотину в раствор, кладка через год начнёт крошиться. Они хотят, чтобы храм разрушался изнутри.

Третьего Тия запомнила особенно хорошо. Это был молодой жрец, одевавшийся в простую одежду работника, который появлялся на стройке раз в несколько дней, якобы для того, чтобы совершать жертвоприношения местным духам. Но Тия видела, как он подолгу стоит у недостроенных стен, что-то шепча и касаясь камней руками.

Всю собранную информацию она передавала Сенмуту, а тот уже решал, что делать. Пабесу устроили проверку, нашли

при нём странные амулеты и уволили, пригрозив передать властям. Хопея отправили рыть ямы и тоннели, где он уже не мог испортить раствор. А за жрецом решили пока понаблюдать — пусть думает, что его интриги и странности никто не заметил.

Тия чувствовала: это только начало. Жрецы не отступятся так легко. Храм был слишком важен для них как символ, как вызов их власти. И они будут бороться до конца.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось за скалы, окрашивая их в багровые тона, к стройке подъехала небольшая процессия. Тия узнала носилки царицы ещё издали.

Хатшепсут приехала без предупреждения, что случалось редко. Она выглядела усталой, но глаза её горели тем особенным огнём, с которым даже единожды встретившись, невозможно было забыть.

— Я хочу видеть храм, — сказала она вместо приветствия. — Не сейчас, а ночью, при лунном свете. Хочу увидеть его в это время.

Сенмут поклонился и повёл её по тропинке между недостроенными колоннами. Тия пошла следом, держась в тени.

Луна была мистически яркой. Её свет заливал стройку, превращая груды камня в фантастический пейзаж. Колонны отбрасывали длинные тени, а недостроенные стены казались

руинами древнего, забытого храма.

Хатшепсут долго стояла молча, глядя на это великолепие. Потом повернулась к Тие.

— Я слышала, ты снова стала моими глазами и ушами, — сказала она негромко. — Спасибо тебе.

— Я не могу по-другому, — ответила Тия честно. — Я делаю это ради храма. Ради того, что он значит для вас и для будущего.

— Он очень важен для всех. — Царица улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, сколько Тия не видела в ней никогда. — Спасибо тебе, девочка моя.

Они стояли вдвоём среди колонн, под лунным светом, и Тия вдруг поняла, что этот храм — не просто здание. Это символ всего, за что они боролись. За право женщины править, за право творить, за право оставить след в вечности. И если жрецы думают, что смогут разрушить это своими мелкими интригами, они ошибаются.

— Я не дам им разрушить храм, — сказала Тия тихо, но твёрдо.

— Ты все сможешь, — ответила Хатшепсут. — Потому что ты — моё лучшее творение. Не из камня, из жизни. Тебя мне послали Боги!

Царица коснулась руки Тии и пошла обратно, к носилкам, оставляя девушку одну среди теней и лунного света.

Тия, оставшись одна, долго смотрела, как над скалами плывёт луна, нет обращая внимания на вой шакалов где-то

вдалеке. Она чувствовала, что вскорости стройку ждут совсем не строительные испытания. И в этот раз опасность будет направлена на неё. Жрецы не отступят — не те они люди. Понимала, что, возможно, ей снова придётся взять в руки нож.

Но сейчас, в эту минуту, она чувствовала только одно: она на своём месте. Здесь, у подножия скал, среди камня и вечности, она была нужна. И этого было достаточно.

Утром она снова вышла на стройку, чтобы продолжить свою незримую войну. Потому что покой, как оказалось, — это всего лишь пауза между битвами. А её битва только начиналась.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Змеинный след

Тия начала свою незримую войну на рассвете следующего дня. Она встала затемно, когда стройка ещё спала, и лишь редкие факелы горели у палаток сторожей. На ней была простая одежда рабочей, какие носили тысячи других людей на стройке, рыжие волосы она тщательно спрятала под грубой повязкой. В складках пояса лежал маленький нож — не её тонкий боевой, а простой рабочий инструмент, который в умелых руках мог стать чем угодно.

Первым в её списке был Пабеса из Дельты. Тия заняла позицию у тропы, ведущей к скалам, где он обычно исчезал во время обеденного перерыва. Она устроилась в тени большого валуна, делая вид, что точит резец, но глаза её не упускали из вида ни малейшего движения у дороги.

Пабеса появился ровно в полдень, когда солнце стояло в зените и рабочие расходились на отдых. Он оглянулся, удивившись, что за ним никто не следит, и быстрым шагом направился к тропе. Тия скользнула следом, держась на расстоянии и используя каждую тень, каждую складку местности, следуя науке маскировки слепого Ра'уфа.

Она видела, как Пабеса встретился с человеком в тёмном плаще. Как эти двое поговорили недолго, но слов Тия не смогла расслышать. Она заметила, как Пабеса получил тот же маленький свёрток, что и в прошлый раз. Когда он раз-

вернулся, чтобы уходить, ветер на мгновение откинул капюшон его собеседника, и Тия увидела лицо — молодое, гладко выбритое, с характерной татуировкой жреца Амона на виске.

Сомнений не оставалось. Жрецы действовали напрямую.

Вечером она рассказала обо всём Сенмуту. Архитектор слушал молча, барабанил пальцами по чертежам.

— Пабесу надо убирать, — сказал он наконец. — Но так, чтобы остальные не поняли, что мы за ними следим.

— Знаешь, я вот что подумала, — ответила Тия. — Пусть десятник устроит проверку. Например, скажет, что пропали инструменты, что ищет вора. Надо обыскать его палатку при всех. Свёрток, который он прячет, наверняка ещё у него.

Сенмут кивнул.

— Хорошо. Так и сделаем. Медлить не будем, завтра же утром обыщем.

На следующий день на стройке поднялся шум. Управитель работ объявил, что из мастерской пропали дорогие резцы, и приказал обыскать все палатки. Когда очередь дошла до Пабесы, тот побледнел, но не посмел возражать. В его вещах нашли не только свёрток с амулетами явно не фиванского происхождения, но и мешочек с серебром — слишком много для простого рабочего.

Пабесу связали и отправили в Фивы для допроса. Остальные рабочие смотрели на это с одобрением — вор был наказан. Никто не связал это с истинной причиной.

Тия отметила для себя, что это был только первый удар.

Самый легкий и несильный. Жрецы вряд ли отступятся, обязательно пришлют других.

Через два дня случилось новое происшествие. Хопей, тот самый мастер, что отвечал за растворы, вдруг исчез. Утром он вышел на работу, а в полдень его уже никто не видел. В его палатке нашли спешно собранные вещи и несколько глиняных горшков с кислым запахом уксуса.

— Узнал, что мы следим, и сбежал, — мрачно сказал Сенмут. — Теперь он где-то в Фивах, и мы не знаем, что он задумает.

— За ним пошлют людей? — спросила Тия.

— Бесполезно. Город большой, он спрячется. Но я распоряджусь, чтобы служба Хори предупредила стражу на рынках. Если появится — схватят.

Тия молчала, но внутри неё росла тревога. Хопей был не просто пешкой. Он знал состав растворов, знал, как разрушать камень изнутри. Если он попадёт к другим заговорщикам, беды не миновать.

Оставался третий — молодой жрец, который приходил на стройку под видом совершающего жертвоприношения. Тия решила заняться им лично.

Она следила за ним три дня. Жрец, которого звали Усермон, появлялся всегда в одно и то же время — перед закатом, когда рабочие начинали расходиться. Он приносил с собой небольшую жаровню, благовония и совершал ритуал у подножия скал, там, где стройка ещё не началась. Со стороны это выглядело совершенно невинно — многие мастера приносили жертвы богам и духам, чтобы работа спорилась.

Но Тия заметила, что после каждого его визита на камнях появлялись странные знаки. Мелкие, почти незаметные, вырезанные чем-то острым. Она скопировала их на клочок папируса и показала Сенмуту.

— Это проклятия, — сказал он, всмотревшись. — Древние, ещё из старых текстов. Они не разрушат камень, но... люди верят. Если рабочие узнают, что храм проклят, они разбегутся. Никакие деньги их не удержат.

— Значит, надо, чтобы они не узнали.

— Как? Он будет приходить снова и снова. Рано или поздно кто-то заметит.

Тия задумалась.

— А если... если он перестанет приходить?

Сенмут посмотрел на неё с пониманием.

— Ты хочешь...

— Я хочу с ним поговорить.

Следующим вечером Тия ждала Усермона у скал. Она выбрала место за большим валуном, откуда открывался отличный обзор и где её силуэт сливался с тенями. Когда жрец появился, она не стала нападать сразу. Сначала дала ему разжечь жаровню, разложить благовония, начать ритуал. И только когда он склонился над камнями, выводя очередной знак, она выскользнула из укрытия и встала у него за спиной.

— Красивые знаки, — сказала она негромко. — Только богам, которым ты их посвящаешь, здесь не рады.

Усермон вздрогнул и резко обернулся. Увидев перед собой девушку в простой одежде, он на мгновение расслабился, но Тия заметила, как его рука потянулась к поясу, где висел небольшой нож.

— Ты кто? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Та, кто следит за тем, чтобы храм достроили. И кто очень не любит, когда жрецы и их подручные путаются под ногами.

Он усмехнулся.

— Ты? Девка? Мне сказали, что на стройке есть соглядатай, но я думал, это мужчина.

— Ошибаться свойственно всем. — Тия сделала шаг вперёд. — Сейчас ты уйдёшь отсюда и больше не вернёшься. Иначе...

— Иначе что? — Он выхватил нож, принимая боевую

стойку. — Ты меня убьёшь? Девчонка?

Тия вздохнула. Спорить было бесполезно.

Она не доставала оружия. Вместо этого она шагнула прямо на него, уходя с линии атаки, и, когда он замахнулся, перехватила его руку, рванула на себя, и через мгновение он уже лежал на земле, а его собственный нож был прижат к его же горлу.

— Я могла бы, — сказала она спокойно. — Но сегодня не хочу пачкать руки. Возможно, завтра, если ты не исчезнешь. Беги из Фив. И расскажи своим хозяевам, что здесь слишком опасно. Готов?

Усермон смотрел на неё с ужасом. В его глазах читалось непонимание — как эта хрупкая девушка могла справиться с ним так легко.

— Ты... ты демон, — прошептал он.

— Я просто та, кто охраняет этот храм. Убирайся и не возвращайся сюда никогда.

Она отпустила его, поднялась и отошла на шаг. Усермон вскочил, побежал в темноту, спотыкаясь и падая. Через минуту его шаги затихли вдали.

Тия стояла у догорающей жаровни, глядя на звёзды. Пальцы её дрожали — не от страха, а от напряжения, от воспоминаний, которые нахлынули вместе с этим коротким боем. Она не хотела убивать. Не хотела возвращаться в ту, прежнюю жизнь. Но выбора не было.

Она подобрала брошенный жрецом нож, осмотрела его и

спрятала в складках одежды. Потом засыпала жаровню песком и ушла в ночь, оставляя позади место, где едва не пролилась кровь.

Утром она рассказала Сенмуту о случившемся. Он слушал молча, а когда она закончила, долго смотрел на неё.

— Ты не ранена?

— Нет.

— Хорошо. — Он помолчал. — Ты знаешь, что они не останутся? Это были мелкие сошки. За ними стоят большие люди. Вероятно, верховный жрец Осириса, может быть, даже кто-то из царской семьи.

— Это мы в конечном счете выясним.

— И ты готова продолжать?

Тия посмотрела на строящийся храм. На колонны, уходящие в небо, на стены, покрывающиеся резьбой, на вечность, которая рождалась из камня.

— Да, — ответила она кратко. — Потому что это того стоит.

Она вышла из палатки и направилась к своим строителям и резчикам камня. Солнце поднималось над скалами, золотя верхушки колонн. На стройке все уже приступали к работе, и вся местность наполнялась привычным шумом и грохотом.

Тия шла среди ставшей привычной ей суеты, и никто не

знал, что эта девушка с рыжими волосами, спрятанными под повязку, только что предотвратила ещё одну беду. Никто не знал, что она снова стала тенью.

И главной заботой тени была защита храма. Защита царицы. Защита той новой жизни, которую она выбрала для себя.

Но змеи медленно ползли к скалам, у которых Тие предстояло их встретить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Ночная охота

После исчезновения Усермона на стройке воцарилась обманчивая тишина. Казалось бы, ничего не происходило. Работы по строительству продолжались, следуя набранному темпу, рабы трудились не покладая рук. Известняк и огромные гранитные глыбы доставлялись в длинных лодках по Нилу. То и дело шла разгрузка и доставка к растущему храму грузов и людей. От пристани до стройки для этого была проложена гранитная дорога, по которой волоком перетаскивались все необходимые поступающие материалы. Поселение строителей близ будущего храма тоже росло. Увеличивалось количество палаток, надсмотрщиков и мест для приёма пищи.

Прошла неделя, другая — и ничего не происходило. Рабы и вольные работники трудились в привычном ритме, самые опытные мастера выводили иероглифы, применяли новые красители, привезённые из далёкого Пунта. Сенмут носился с чертежами по огромной территории от мастера к мастеру, а Тия бродила среди людей, прислушиваясь, приглядываясь, не находя ничего подозрительного. Слишком тихо, слишком спокойно. Это настораживало больше, чем открытая угроза.

Она знала эту тишину. Так бывает перед бурей, когда воз-

дух застывает и даже птицы замолкают в предчувствии ливня. Жрецы не могли смириться с потерей своих людей. Они готовили что-то новое, более масштабное, более страшное.

Сенмут разделял её тревогу. Как-то вечером, вернувшись из Фив, после встречи с царицей и оставшись в палатке наедине с Тией он задумчиво произнёс:

— Они не отступят, — Храм слишком важен и для нас, и для них. Он даже на начальном этапе возведения — уже символ. Символ царства нашей Повелительницы, символ её и нашей эпохи. Если царица достроит его, её авторитет станет непререкаемым. Они пойдут на всё, чтобы уничтожить стройку или опорочить её наветами.

— Вопрос в том, кто, когда и как, — ответила Тия.

— Ты что-то задумала? Давай, говори.

Она помолчала, обдумывая слова.

— Если они захотят что-то предпринять, они сделают это ночью. Днём слишком много людей, слишком велик риск быть замеченными и сметёнными толпой. Значит, нам нужно готовиться к замышляемой ими ночной вылазке.

— Ты же не думаешь, что это может быть боевая вылазка? — изумился Сенмут.

— Тут не угадаешь, на что они могут пойти. Я хочу поймать их с поличным. И если с их стороны произойдет попытка навредить нам с помощью оружия, хочу подготовиться к этому достойно. Чтобы никто не мог сказать, что это случайность или просто бытовая ссора. Надо, чтобы они сами под-

твердили свою вину.

Сенмут смотрел на неё долгим взглядом.

— Даже так! В таком случае это серьёзная опасность для всех. Если их будет много... Я прикажу всему корпусу охраны строительства быть готовыми к любому повороту событий.

— Пусть будут готовы. Это очень важно. Я тоже займусь подготовкой. — Она сказала это так уверенно, что Сенмут лишь покачал головой и не стал возражать.

С этого вечера Тия начала подготовку к вероятному конфликту. Она выбрала нескольких надёжных рабочих, тех, кому доверяла, и расставила их на стройке в самых плохо просматриваемых местах. Каждый знал только свой участок и свой личный сигнал. Одни должны были следить за подходом с севера, другие — с юга, третьи — со стороны реки. Сама Тия выбрала позицию в самом сердце стройки, среди недостроенных колонн, откуда открывался обзор на все подходы к храму.

Три ночи она провела в засаде. Три ночи вслушивалась в звуки, вглядывалась в тени, вдыхала запах ночной пустыни. Спать приходилось урывками, днём, когда солнце стояло высоко и опасность казалась менее вероятной. Но ни на четвёртую, ни на пятую ночь тоже ничего не случилось.

Терпение было её оружием. Ра'уф учил её ждать, растворяться в темноте, становиться частью ночи. И она ждала. На шестую ночь терпение окупилось сполна.

Луна скрылась за тучами, и тьма стала абсолютной. Тия сидела в тени массивной колонны, закутавшись в тёмный плащ, и почти сливалась с камнем. Глаза её привыкли к темноте, уши ловили каждый звук.

Она услышала их раньше, чем увидела. Лёгкий шорох гравия под ногами, приглушённое дыхание, скрип кожаной обуви. Шли осторожно, стараясь не шуметь, но для того, кто учился у слепого воина, эти звуки были громче крика.

Тия замерла, всматриваясь в темноту. Тени двигались между колонн — несколько человек, пятеро или шестеро. Они несли какие-то мешки и инструменты. Направлялись к фундаменту с северной части, туда, где закладывались новые камни храма.

Сердце забилося чаще, но Тия не двинулась с места. Нужно было дать им подойти ближе, чтобы понять, что они задумали и убедиться, что они действительно собираются совершить задуманное. Лишь после этого подать сигнал.

Злоумышленники остановились у самого фундамента. Один из них, видимо старший, достал светильник, прикрытый тёмной тканью, и дал слабый свет. В его мерцании Тия

увидела лица — трое были явно жрецами, в тёмных одеждах, с бритыми головами. Ещё двое — наёмники, судя по грубым чертам и оружию на поясах.

Они начали работать. Один из жрецов достал из мешка несколько маленьких фигурок. Тие с трудом удалось разглядеть их, и она догадалась, что это были те самые амулеты, которые должны были осквернить храм. Ей попадались уже такие уродливые, с вывернутыми конечностями фигурки с проклятиями, вырезанными на спинах. Наёмники начали копать яму у основания одной из колонн.

Она выждала какое-то время, убеждаясь, что они действительно закапывают проклятые предметы. Когда несколько амулетов скрылись в земле, она поднесла к губам маленький свисток из тростника и тихо свистнула — три коротких сигнала, как договаривались.

Из темноты выступили верные люди. Не все, только те, кто был ближе всего. Они двигались осторожно, стараясь не шуметь и окружая злоумышленников полукольцом. Тия поднялась и вышла из-за колонны.

— Вы откопаете все, что принесли, обратно и уберёте в свои грязные мешки, — сказала она громко, нарушая ночную тишину. — А потом ответите перед судом царицы.

Непрошенные гости замерли на мгновение от неожиданности, а затем старший выкрикнул приказ избавиться от свидетеля, и всё пришло в движение.

Двое наёмников бросились на Тию, видимо решив, что с

девушкой справятся легко и быстро. Это было их ошибкой. Первый получил удар ногой в колено, подломившееся с противным хрустом, и рухнул на землю. Второй замахнулся ножом, но Тия ушла в сторону, перехватила его руку и, используя инерцию, швырнула на землю. В то же мгновение подбегавшие мастеровые схватились с остальными.

Но жрецы не были так просты, они пришли подготовленными к бою. Пока наёмники отвлекали внимание, старший из них выхватил из-под одежды длинный жреческий нож — не для боя, для жертвоприношений, но от этого не менее опасный. Он рванулся к Тие, когда она расправлялась со вторым наёмником, и не успела уклониться от острого ножа.

Лезвие скользнуло по боку, рассекая платье, кожу и мышцы. Тия вскрикнула от неожиданной боли, но не упала. Вместо этого она развернулась и, несмотря на рану, нанесла ответный удар — ребром ладони по горлу жреца. Он захрипел, выронил нож и осел на землю.

Схватка длилась не больше двух минут. Когда всё закончилось, трое диверсантов лежали без сознания, двое корчились от боли, а старший жрец хрипел, пытаясь вдохнуть. Тия стояла над ними, прижимая руку к боку, и чувствовала, как кровь сочится сквозь пальцы.

— Сигнал, — прошептала она одному из своих людей. — Вызывай стражу.

Тот кивнул и побежал к палаткам, куда уже подоспели воины, присланные верным Хори.

Тия опустилась на колени, чувствуя, как слабеет тело. Боль была острой, но не смертельной — она знала такие ра- ны. Главное — не потерять сознание, дожидаться помощи.

— Тия! — раздался крик. Это был Сенмут, выбежавший из своей палатки в одном хитоне, с факелом в руке. Увидев её, он бросился к ней, опустился рядом. — Ты ранена! О, боги! Держись, девочка моя!

— Пустяки, — прошептала она, но голос выдавал её со- стояние. — Они закапывали проклятия. Вон там, у фунда- мента. Надо всё собрать. Это доказательства.

Сенмут кивнул одному из мастеров, оказавшемуся побли- зости, чтобы тот занялся извлечением доказательств из ям- ки. Сам же разорвал свою накидку, приподнял осевшую от слабости Тию и начал перевязывать рану.

— Терпи, Тия, терпи. Ты сильная. — Говорил он. — Сей- час придёт лекарь. Ты всё сделала правильно. Ты умница.

Тия смотрела на звёзды, мерцающие сквозь прорехи в ту- чах. Боль постепенно уходила, сменяясь странным спокой- ствием. Она сделала это. Она защитила храм.

Подросла стража. Злоумышленников связали и увели. Кто-то принёс строительные носилки и Тию перенесли в па- латку лекаря. Последнее, что она видела перед тем, как про- вальнуться в темноту, — лицо Сенмута, полное тревоги и бла- годарности.

Она улыбнулась ему и потеряла сознание.

У

тром о случившемся узнала вся стройка. Рабочие собирались группами, обсуждая ночное происшествие. Проклятые амулеты извлекли из земли и выставили на всеобщее обозрение, чтобы каждый видел, что хотели сделать враги храма и царицы. Поступок жрецов вызвал общее возмущение. Их тяжелый и священный труд хотели просто безжалостно погубить.

Сенмут распорядился усилить охрану и поставить дополнительные посты. Хори по приказу Хатшепсут прислал ещё два десятка воинов, которые теперь патрулировали стройку днём и ночью. Возле палатки Тии тоже постоянно дежурили два вооруженных воина. Несмотря на жаркие дни, они были в боевых доспехах. Пропускали посетителей внутрь только по специальному разрешению Сенмута.

Тия очнулась к полудню. В палатке было прохладно и удивительно уютно. Кто-то проявил заботу и принёс цветы. Они стояли в глиняной чашке на хрупком столике у лежанки. Тия удивлённо и слегка смущённо подняла брови. Лекарь, старый египтянин с морщинистым лицом, сидел рядом с постелью и менял повязки.

— Повезло тебе, девочка, — сказал он, увидев, что она

открыла глаза. — Нож прошёл по касательной. Я немного зашил тебя. — Сказал он, улыбнувшись. — Мясо заживёт, кости не задеты. Неделю полежишь — и снова на ноги встанешь.

— Неделю? — Тия попыталась приподняться, но боль в боку заставила её лечь обратно. — У меня же храм, работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.